и вражеские суда меняли курс, тем самым избегая гибели и повреждений от выпущенных торпед [3].

Кроме того, в нескольких случаях на Севере и Чёрном море имели место отказы торпед, которые попадали в цель, но не взрывались. В других случаях торпеды, оснащённые неконтактными взрывателями, самопроизвольно взрывались ещё до встречи с целью.

Причины же высоких потерь подводных лодок объясняются не только серьёзным противодействием противника, но и возможными отказами техники, а также ошибочными действиями личного состава при погружениях в районах с большими глубинами, превышавшими максимальную глубину погружения советских лодок.

В заключении следует отметить, что советские подводные лодки действовали с максимальной эффективностью, на которую они были способны, учитывая мощную противолодочную оборону неприятеля. Экипажи лодок храбро сражались с сильным и хорошо подготовленным противником в тяжелейших условиях боевой обстановки и нанесли ему серьёзные потери. Почти три с половиной тысячи подводников отдали свои жизни в этой борьбе.

1. Военно-морской флот СССР в Великой Отечественной войне. Режим доступа URL : https://spasibodedu.ru/article/93-voenno_morskoy_flot_ (дата обращения: 10.02.2020)
2. Морозов М.Э. «Иностранки» Красного флота. Подлодки Сталина. М. : Яуза, 2014. 160 с.
3. Морозов М.Э., Кулагин К.Л. «Месть» Сталина. Советские подлодки типа М. М. : Коллекция, Яуза, 2010. 256 с.
4. Морозов М.Э., Кулагин К.Л. Первые подлодки СССР. «Декабристы» и «Ленинцы». М. : Коллекция, Яуза, 2010. 160 с.
5. Морозов М.Э., Кулагин К.Л. Подводные крейсера Сталина. Советские подлодки типов П и К. М. : Яуза, 2011. 144 с.
6. Морозов М.Э. Подводные лодки ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Летопись боевых походов. Часть 1. Краснознамённый Балтийский флот // Комбат. 2001. № 3. С. 5-81.
7. Морозов М.Э. Подводные лодки ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Летопись боевых походов. Часть 2. Черноморский флот // Фронтовая иллюстрация. 2003. С. 4-83.
8. Морозов М.Э. Подводные лодки ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Летопись боевых походов. Часть 3. Северный флот // Фронтовая иллюстрация. 2005. С. 7-83.
9. Морозов М.Э., Кулагин К.Л. «Щуки». Легенды советского подводного флота. М. : Коллекция, Яуза, 2008. 176 с.
10. Морозов М.Э., Кулагин К.Л. «Эски» в бою. Подводные лодки Маринеско, Щедрина, Лисина. М. : Коллекция, Яуза, 2008. 128 с.
11. Пятянин С.В., Морозов М.Э. «Чёрные молнии» Кригсмарине. Немецкие миноносцы Второй мировой. М. : Коллекция, Яуза, 2009. 160 с.

Склярова Т.С.

Националистические концепции в Японии начала XX в.

*ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова»
(Россия, Нижний Новгород)*

doi: 10.18411/lj-05-2020-243

idsp: ljjournal-05-2020-243

Аннотация

В данной статье автор рассматривает истоки и сущность идеологических концепций, возникших в Японии в начале XX в., связанных с историей формирования японского национального государства.

Ключевые слова. национализм, кокутай, сонно дзёи, реставрация Мэйдзи, история Японии, политические традиции Японии.

Abstract

In the article, the author considers the origins and essence of ideological concepts that arose in Japan at the beginning of the 20th century, related to the history of the formation of the Japanese national state.

Keyword. nationalism, kokutai, *Sonnō jōi*, Meiji restoration, history of Japan, political traditions of Japan.

В социальной и политической сферах жизни японского общества не происходило серьезных изменений столетиями, на протяжении всей эпохи Токугава. Реформы, проводимые императором Мэйдзи, вернувшем себе полноту императорской власти и упразднившим сёгунат, недаром называют «революцией Мэйдзи» – преобразования тех лет в самом деле носили радикальный характер и коснулись всех сторон жизни общества. Помимо создания централизованного государства, ликвидации княжеств и замены их на префектуры, отмены сословной структуры, упразднения класса самураев и введения всеобщей воинской повинности, немаловажными были и культурные реформы. Император Мэйдзи прежде всего ассоциируется с созданием новой Японии, построенной по западному образцу: одежда, архитектура, кухня, искусство и другие атрибуты духовной жизни общества теперь заимствовались из Европы. Связано это не только с радением лично императора Мэйдзи к западной культуре, но и с рядом внешних политических факторов. Агрессивная политика со стороны США, заинтересованных в Японии, как в рынке сбыта американских товаров и потенциальном перевалочном пункте в торговле с Китаем, вынудила слабую на тот момент Японию выйти на мировую арену. Вскоре после этого был подписан ряд неравноправных договоров с США, а позже и с Россией, Голландией, Великобританией, Францией и Португалией, что окончательно поставило Японию в положение зависимости перед другими державами, не дав ей шанса выступить, как самостоятельное государство, что сильно ударило и по экономике страны.

Такой резкий "выход в свет" не мог не отразиться на ментальности людей. Мысль о непобедимой Империи солнца не теплилась в головах японцев – собственная беззащитность и перспектива потери национальной независимости ощущались все сильнее. Конец XVIII века стал временем первого открытого столкновения с иностранными державами и надлома национального духа японцев. Но стоит сказать, что патриотические чувства не ослабевали даже в это тяжелое для всей страны время. Каждый японец считал своим долгом любыми силами помочь укрепить Японию и обрести достойное место на мировой арене, и в тот непростой для нее период эти чувства только усиливались. В работах немецкого социолога Макса Вебера говорится, что национализм рождается в условиях крайней необходимости мобилизовать страну ради защиты ее суверенитета и национальных интересов. Именно такая ситуация и сложилась в Японии к началу XX в. Абсолютный патриотизм в условиях общей уязвимости и ослабления страны явились основой появления новой, более агрессивной государственной идеологии, призванной объединить нацию и помочь ей выжить в новой системе международных отношений.

Результатом этого становится возникновение различных идеологических концепций, основывавшихся на постулатах синтоизма, конфуцианской философии и принципах самурайского национализма. Одним из примеров реализации подобных концепций на практике стало японское политическое движение периода Эдо – «Сонно Дзёи» («Да здравствует император, долой варваров!»). Данное движение зародилось в недрах историко-философского учения школы Мито (Митогаку), относящейся к движению протеста по отношению к политике сёгуна. В школе Мито получили распространение учения даосизма, буддизма, конфуцианства, а потому идея возвеличивания власти императора и принижения власти сёгуна, как узурпатора, стала основополагающим тезисом философии Митогаку. Наиболее широкое распространение

она получила в среде самурайства и даймё главными проводниками данного движения. Наибольшую популярность оно обрело после заключения сёгунатом серии «ансэйских» договоров с Англией, Францией, США и Россией, что поставило независимость Японии под угрозу и вынудило ее включиться в мировой капиталистический рынок. Договором от 1858 г. американцы добились предоставления своим гражданам права постоянного жительства в Симода и Хакодате и расширения прав экстерриториальности, что вынудило японцев в буквальном смысле столкнуться лицом к лицу с иностранной угрозой. Опасения того, что запад может разрушить социально-политическую систему Японии и повлиять на ее культурный облик, стали причиной дополнения лозунга «сонно» девизом «дзёи» – изгнание варваров. Таким образом, философия школы Мито стала первым в истории Японии официальным выражением национальной идеи. Под лозунгом «сонно дзёи» объединялись представители обнищавшего вследствие неравноправных договоров самурайства из низших и средних классов. Они, так называемые «люди высоких намерений» – «сиси», в целях улучшения своего положения и борьбы с врагами Японии прибегали к насильственным мерам. «Стремясь изгнать иностранцев, «сиси» в Иокогаме в 1859 и 1860 гг. провели серию террористических акций, убивая европейских торговцев и российских моряков; в 1863 году радикалы из княжества Чосю развернули орудия своих береговых батарей против английского торгового судна, которое направлялось в Шанхай, затем обстреляли еще голландский и французский военные корабли, шедшие вдоль побережья; «сиси» также вели внутреннюю борьбу и даже составили план государственного переворота». Ответной мерой со стороны западных государств стала бомбардировка Кагосимы, что окончательно убедило окраинные княжества в необходимости силового свержения сёгунатского правительства и стало очередным шагом к укреплению националистической идеологии, которая нашла свое новое воплощение в комплексе идей «кокутай».

Концепция кокутай представляла собой ряд идеологических установок, культивировавших посредством древней японской мифологии превосходство и исключительность японской нации, единство народа, патриотические идеалы и личность императора, как отца японской нации. Многие западные ученые характеризуют кокутай, не только как политический принцип, но и как саму сущность японской нации. Так, один из отечественных специалистов Г.Е. Комаровский отмечает, что в кокутай прослеживается возвращение к традиционным конфуцианским и буддийским принципам, где культ императора совмещается с культом предков, а конфуцианские основы морали диктовали принципы государственных взаимоотношений. Можно добавить лишь, что так же, как эти концепты стали опорой новой государственности в период ее образования в Древней Японии, в конце XIX в. они были призваны выполнять ту же функцию. Описания этой концепции можно встретить в ряде источников, относящихся еще к периоду реформации Мэйдзи, но наиболее подробно она была представлена уже в период Сёва, когда в Японии начали набирать силу правые милитаристские силы, которые позже и использовали кокутай, как элемент государственной пропаганды. Так, брошюра Министерства образования Японии «Кокутай-но хонги» от 1937 г. представляла собой описание нравственного идеала японских подданных, их взаимоотношений друг с другом и с властью в лице императора. Через весь рескрипт красной нитью проходит мысль о необходимости следования общественным интересам, а также принятия и уважения установленного закона.

«Если обобщить, сильные стороны западных концепций в их аналитической и интеллектуальной составляющей, тогда как на востоке – в духовной и эстетической. Это естественные тенденции, которые возникают ввиду расовых и культурно-исторических различий. И когда мы сравнением их с нашим национальным духом, концепциями или образом жизни, то неизбежно замечаем фундаментальные различия»

Целью этого комментария было представить японскую нацию, как наиболее уникальную и высоко духовно развитую. Мысль о божественной сущности японских правителей, а, соответственно, и всех японцев, как их потомков, звучала в японской философии не раз, но только теперь она приобрела оформленный вид и использовалась, как один из главных элементов националистической идеологии. Кроме того, брошюра была выпущена Министерством просвещения, что подчеркивало ее официальный статус и значимость для всех подданных Японии. Древние мифы в качестве основы философии, ссылки на существующие государственные законы, авторитетное мнение видных ученых того времени – все эти составляющие «Кокутай-но хонги» выполняли одну главную функцию – оказать влияние на читателя и укрепить веру японского народу в святость императора и значимость кокутай. Так, определяя основу концепции кокутай, немецкий ученый Клаус Антони характеризует восприятие японцев в Германии 1930-1940-х гг. Так, под формулировкой «Японцы – это немцы в квадрате» подразумевалось то, что прочная японская мифологическая традиция смогла породить целостность и единство нации – немецкий идеал.

При рассмотрении концепции кокутай становится понятно, что базируется она на двух основах: милитаристской, описанной еще в концепции бусидо, и национально-мифологической. Таким образом можно утверждать, что в национальном характере японцев всегда присутствовали черты националистического мышления. Ярче всего эти черты проявляют себя в моменты, когда нация переживает стресс и вынуждена отвечать на вызовы и угрозы извне. Ответом становится объединение населения на основе культивирования национальных интересов и его мобилизация с целью направления деятельности людей на благо государства.

1. Жуков А.Е. История Японии. Т. II. 1868-1998. М., Институт востоковедения РАН. 1998 – 703 с.
2. Комаровский Г. Е. Государственный синто // Синто — путь японских богов: в 2 т. / отв. ред. Е. М. Ермакова, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков. Т. 1: Очерки по истории синто. СПб., 2002 – 496 с.
3. Пуляев А. В. Движение «сонно дзёи» как предпосылка зарождения революционного процесса в Японии во 2-й половине XIX века // Молодой ученый. 2011. №1. С. 189-190.
4. Уильям Теодор де Бари, Карол Глак. Истоки японских традиций / пер. с англ. – Т.С. Скларова / Wm. Theodore de Bary, Carol Gluck. Sources of Japanese Tradition / Columbia University Press, New York . 2nd ed., vol. 2. 2005 – 1448 с.
5. Язовская О. В. Политический миф о национальной сущности (на примере Императорской Японии конца XIX — середины XX в.) / О. В. Язовская // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2014. С. 33-43.